

VIII. Поездка в Людиново

Из Дятькова в здешний Шеффилд, Людиново, идёт такая же узкоколейная железная дорога. От Людинова она делится на две ветви: одна идёт на Иваново-Сергиевский завод, а другая к шахтам на Усты и далее. Мы выехали утром. Опять повеяло было зимою, довольно холодный северный ветер дул навстречу поезду. По пути стояли всё те же сосновые боры, берёзовые рощи, темные траурные ели. Между ними ещё лежали белые подушки снега, не поддавшегося в этих чащах живительному теплу весеннего солнца до сегодняшнего дня, так славно согревшего эту едва очнувшуюся от зимней спячки землю. В понизьях стояла вода, мокрые кочки торчали из неё темными пятнами и только яркие пуховины зеленого моха выстилали кое-где сочные заминки. По сторонам дороги ещё валялись обрубленные деревья; вырытые из земли и брошенные здесь корни столетних великанов простирали во все стороны узловатые свои сучья, точно жалуясь кому-то на насилие, жертвою которого они стали. Оглядываясь назад на длинную просеку рельсового пути, мы видим, по каким горбинам он проложен.

-Как мы эту дорогу строили чудесно! - сообщает мой спутник

-А что?

- Да так, знаете, вкуче. Мальцов, его певчие, управляющие – все работали при этом. Никому не было льготы. А потом, когда всё кончилось, нанял он ученых машинистов, приставил к ним мальчиков поспособнее, те присмотрелись к делу и теперь сами за машинистов ходят.

-Какие ещё для России дороги!- воскликнул Тернер, когда во главе железнодорожной комиссии он осматривал этот путь.

Только через час по выезде из Дятькова солнце опять стало пригревать, и ветер улёгся. Стало теплее. Ярко заблестели снеговые подушки между деревьями; так и казалось, что ещё недавно на них покоились головки лесных дриад и всяких сказочных призраков, разгоняемых первыми лучами позднего северного дня. Белая кора высоких берез тоже серебрится под солнцем. Вот опять сплошь пошла берёза; первая зелень едва – едва держится на сиротливых ещё ветвях. Здесь гораздо позднее является листва, чем в тех местностях, которые описаны нами в прежних главах. Под конец однообразие этого леса даже прискучивает. Здесь около 200000 десятин занято этими сосновыми и берёзовыми чащами. Берегут их до такой степени, что зачастую покупают дома на стороне, чтобы не тратить своих.

-Позвольте рубить, - пристаёт иногда управляющие,- ведь из 6000руб. экономии в год по такому-то заводу сделаем.

-А что потом народу останется?

Так и бережется этот лес для будущего.

Тем не менее, один в поле не воин. Сотрудников мошенничество тоже не редкость, потому, например, дроворубы истребляли до 1867 года круглые площади леса по одной версте в диаметре. Сверх того самый лучший лес зачастую подвергался бурелому, что нарушало правильность его эксплуатации. Мне самому приходилось здесь видеть страшные последствия местных гроз. Точно попал куда-нибудь на Тринидад или на берега Ориноко. Превосходные деревья, сваленные вихрем, бессильно лежали, упиравшись одно на другое с обломанными или засохшими ветвями, с торчащими из земли кувалдами узловатых корней. До 1874 года никак не могли добиться, чтобы в конторах и экономиях и благоустроенных имениях велся правильный счёт леса. Одному за всем уследить нельзя

было. Обратив исключительное внимание на заводы, хозяин упустил леса, полагаясь на людскую честность. Разумеется, людская честность оказалась столь неудовлетворительной, что лесами стали было хозяйничать все, кому не лень - управляющие, приказчики, лесные ревизоры и даже втихомолку обходчики. Когда сделана была должная ревизия, то оказалось, что превосходного леса лишь 20%, остальная часть и большая 80%, состоит из разновозрастных деревьев, вследствие бурелома, пожаров и выборочных рубок.

В течение последних лет эта часть очень исправилась, и количество прекрасного леса увеличилось значительно. Молодняки и заросли занимают тоже громадную площадь на месте когда-то вырубленных боров. Из них третья часть дает отличное лесовозобновление, пятая - посредственное, остальное пространство или о или совсем не поднялось. Как и во всех наших лесных хозяйствах, это произошло оттого, что, во-первых, громадная, квадратная, сплошные вырубki никогда не очищались от ненужных вершин, сучьев и прочего хлама, причём на них не оставляли вовсе семенных деревьев; во вторых, вредила делу пастьба скота, который весьма охотно ест все древесные всходы или топчет их ногами, ... порослями и почву, которая грубеет и делается бесплодной; в третьих, при громадных лесных пожарах сгорал верхний слой чернозема, необходимый для возрождения и роста деревьев; и в-четвертых, квартальные просеки были слишком узки, так что не предупреждали распространения лесных пожаров, не вентилировали густые дачи. С 1874 года за лес здесь принялись довольно энергично - и те места, которые ещё недавно шли плохо, выправились. Леса стали лучше и крепче, - более разумная система устранила недостатки прежнего управления.

Теперь здесь принят шестидесятилетний лесооборот, то есть ежегодно вырубается 1/60 часть лесов, с таким расчётом, чтобы к тому времени, когда будут вырубаться последние площади, первые уже были покрыты высокими и крепкими лесами. Ценность их здесь доходит по самой умеренной цене до 5000 000 руб.. Если взять минимум до 4 000 000 руб., таким образом заводы ежегодно съедают на 66 666 рублей древесного топлива. Сверх того здесь есть особенные заказные пространства, в которых рубка производится с крайней осмотрительностью и введён лучший способ лесоустройства. Контроль лесов и отчётность по ним заведены очень строгие - и теперь уже невозможны те упущения, которые, по счастью, были замечены вовремя, иначе довели бы действительно удивительные здешние леса до самого дурного положения. В настоящее время сюда можно приезжать учиться сбережению порослей и уже старых лесов, охраняемых для будущего, грозного, несомненно, в остальных частях нашего обезлесенного отечества. Здесь и десятки тысяч кубических сажень дров, а молчаливые деревья стоят себе даже нередко у самых этих ненасытных обжор. Около села огромное озеро. Болва врывается в него шумным течением; слева тихо струится туда же речонка Сукремль, извилистая и красивая, вспыхившаяся теперь весной. Хорошо обстроенная улица правильно разбита вдоль этого озера. Массы народа и опять кучи детей снуют во все стороны. Действительно, вспоминаешь рабочего: «наша баба - плодливая баба». По крайней мере я нигде - ни на Урале, нина Севере, ни на Юге - не встречал такого обилия молодого поколения, пребывающего ещё в безпанталонном состоянии.

Все они, воображая, что с нами хозяин, сбегались к вагонам, крича ещё издали: «Ура, дедушка, ура!» Но, увы, в окно никто не кидал им пряников и, разочарованные, они останавливались, недоумевали, поглядывая на нас.

-Что, разве дедушки нет?- поинтересовался один.

-Нет. В Дятькове остался.

-А у вас пряников нет?

-Нет.

Потоптался, потоптался малыш и отправился вспять.

Слышу потом:

Не бегите, ребятки,- Сергея Ивановича нет!

Но те, не воруя, всё-таки подбегали к нам. Повторялась та же история.

Отсюда только шесть вёрст до Людинова.

Пятьдесят лет назад это было ничтожное село. Здесь стояла только одна домна и из местной руды плавился чугун. За то с 1832 года этот Жиздринский Шеффилд идёт вперёд гигантскими шагами. Отсюда заводской прогресс разлился по всей России. Здесь впервые было применено пудлингование и здесь же научились ему рабочие, которые потом разнесли свои знания и на далёкий Урал, и в Олонецкую губернию. Здесь с тех пор практиковали всё, что только новым в горнозаводском деле, применялись новые усовершенствования, открытия. Теперь в Людиново живёт до 7500 человек народа, получающего все средства к существованию от завода. Одной прямой заработной платы расходуется заводом до 600 000 рублей ежегодно. Завод этот основан в 1769 году, но только в последнее время, лет двадцать тому назад, он принял свой настоящий вид. Тут, например, с 1870 по 1880 г., только за десять лет, сделано и собрано 373 паровоза, на 9 256 770 р., 154 вагона пассажирских, на 337 150 руб., 8428 товарных вагонов, на 11 612 749 р., 2 667 платформ, на 2 868 794 р. А всего на 23 913 463 рубля. Сверх того, в то же время здесь приготовлены массы локомотивов, земледельческих машин и орудий, гидравлических прессов, отдельных и запасных частей для паровозов, маслобоен, всякого литья посудного, штучного,- памятников и решёток, паровых котлов, паровозов для шоссе, железа разного в изделиях, стали такой же, железа и стали в кусках, рельсов и прочих вещей. Таких в 1878 г. считалось на 4 558 348 руб., в 1879 г.-3 391 742 рубля и в 1880 году на 3 388 088 рублей. Здесь работают две печи доменных, пять вагранок, пять печей газовых, все для выплавки чугуна; одна газовая печь для выплавки меди, три таких же для выплавки стали, четырнадцать сварочных, два пудлинговых, одна калильная и три паяльных печей. В Людиновском заводе работают 78 горнов, восемь заводских вентиляторов, две сушильни, одна турбина, семь больших штамповых машин, два обрезных стана, десять паровых молотов, два молота пружинных, восемь гидравлических прессов, тринадцать прокатных валов, 31 строгальная машина, 126 токарных станков, 54 сверлильных, 22 долбежных, 28 торцовых, 12 винтовых, два шпунтовых, пять зуборезных, девять правильных, три загибальных, восемь штамповальных. Сверх того машины для проверки валов, для нарезки метчиков, притирочные, паровые ножи, ножи приводные, четыре болтовых машины, две гаечных, угольные мельницы, 417 тисков, 100 верстаков, масса токарных станков для дерева и много крутых пил.

Эти цифры дают довольно полное понятие о деятельности Людинова. Все, разумеется, надо брать сравнительно. Окружающий околоток беден и лишен всякой промышленности. Развить здесь такое дело – большая заслуга. Чтобы дать еще дальнейшее понятие об оборотах завода, приведем цифры, какие нам удалось собрать на месте. В 1880 году одни слесаря заработали задельной и поденной платы 220 000 руб., котельщики около 80 000 р., кузнецы 40 100 р., клепальщики 72 000 р., литейщики 74 000 р. и т.д. А между тем это был год самый неудачный. Завод сократил работы, потому что заказы уменьшились в связи с общим плохим экономическим положением России. Завод отсюда сбывает свои изделия в Петербург, Москву, Харьков, Киев, Одессу, Каховку, Екатеринославль, Орел, Пензу, Чернигов, Минск, Кременчуг, Вильню, Ростов - на -Дону,

Нижний Новгород, Динабург, Ригу. В этих городах помещаются конторы завода или его комиссионеры.

Большое озеро блеснуло впереди, заставленное у правого берега островами, между которыми струятся светлые проливы. Озеро окаймлено отовсюду, кроме Людинова, лесистыми берегами. Оно здесь ужасно напоминает Сайму. То же меланхолическое спокойствие пейзажа, тот же простор едва-едва подёрнутой зыбью воды, та же густая хвойная растительность, те же острова, покрытые лесом, безлюдные и безмолвные. Поезд идёт медленно. Направо бесчисленные здания заводов, налево молодняк - густо выросший лес.

-Погниет или высохнет.

А вот мы его скоро разредем.

Ещё издали слышится величавый гул. Точно море где-то бьётся в крутые берега, слышатся даже отдельные удары набегающих валов. Закроешь глаза - и чудятся, окаймленные гребнями, волны, разбрасывающие по ветру извивы белой пены. Так и кажется, что несутся они издали на тебя, ударяются в крутые утесы и, разбившись, с дикою злобой отбегают назад, чтобы с новыми бесчисленными зеленоватыми валами опять броситься на эти несокрушимые твердыни. На деле, разумеется, никакого моря, да и не к лицу было бы оно какому-то Жиздринскому уезду. За то немолчно и безустанно бьется тут и днем, и ночью такое же безграничное, такое же неугомонное море людского труда. Слышны тяжелые удары паровиков, глухой перебор громадных молотов, целые стихии всевозможных звуков, где мешаются в одно акустическое марево и свист ремней, и шорохов приводов, и стук клепал, и визг железа, и клекот чугуна в домнах, и резкий стон под круглыми пилами слесарных станков, и удары паровых ножей, и треск ломающегося дерева, и грохот зубчатых колес, и мерный шум воды в шлюзах, и Бог знает что еще. Все это захватывает вас, кружит голову, долго не дает возможности остановиться на чем -нибудь определенном. Несколько нервному и непривычному покажется, что он сам попал под эти молоты, в эти ярко горящие свечи, что на него опрокидываются зубцы громадных колес, налетают какие-то стальные руки скрытых внизу великанов. Вверху по проволочной воздушной дороге двигаются сотни маленьких вагончиков с рудой; погромыхивая, они бегут к дымящимся домнам. Из десятков труб клубится черный тяжелый дым, - нет у него силы подняться к этому весеннему небу и, истощаясь в бесплодных стараниях, он расстилается над заводом зловещей тучей, темной днем, багровою, словно отражающую какое-то громадное зарево, ночью. Мириады искр несутся в этом дыме и гаснут в его густых клубках. Нам видны громадные дворы, заваленные жерновами, стальными бандажами, какими - то громадными частями машин, цилиндрами, в которых может поместиться и зажить припеваючи любая семья, локомотивами, точно остановившимися с разбега и размышляющими: куда же далее? ...Груды железного лома, целые горы всякого мусора, имеющего свою ценность потому, что он вновь пойдет в переплавку. Не понимаешь пока, как можно ориентироваться в этом лабиринте, и невольно ищешь, где, в каком из этих гремящих, грохочущих сараев помещается минотавр, который разом проглотит тебя в свое железное брюхо.

-Ну что, как вам нравится?- спрашивает меня спутник.

-Погодите, я еще понять ничего не могу.

-Вот завтра мы пойдем с вами и осмотрим все подробно.

А теперь пойдете далее.

Бойкие кони живо унесли нас отсюда.

Людиново больше другого уездного города. Оно все разбросалось слободами. По берегу озера вытянулись кирпичные двухэтажные дома, принадлежащие рабочим. Деревянные мешаются с каменными. Все обнаруживает довольство и зажиточность. Как потом я убедился сам, и внутри большая половина домов чисты и недурно обставлены, а некоторые для «села» даже и меблированы хорошо. Развалин нет. Несмотря на воскресенье, не больше двух или трех пьяных, да и те как-то сторонкой забирают, чтобы не попасть кому-нибудь на встречу. «Они у нас этого стыдятся», - поясняет мне управляющий Макар Алексеевич Калинин, из простых рабочих выбившийся в люди. Он в том же сером армяке, как и все. Интеллигентное лицо, разговор, обнаруживший большую сметливость и недюжинный ум. Это род местного маленького Эдиссона. Дайте ему разобрать, сделать по чертежу любую неизвестную ему машину, он не только ее сделает, но и усовершенствовать постарается, сообразно местным условиям. Калинин побывал и за границей, в Бельгии, посмотрел тамошние заводы, а по-здешнему ему иногда случается заткнуть за пояс и ученых техников. Подумаешь, какими странными скачками вырабатываются иногда русские талантливые натуры! Этот Калинин, например, и образования никакого не получил, - еще несколько лет тому назад простым слесарем был на том же Людиновском заводе. Случай выручил: нужен был слесарь к детям владельца, чтобы обучать их этому делу. Выбор пал на Калинина, - он и обнаружил вдруг таланты, которых никто и не подозревал в этом спокойном, скромном, засыпанном стальными опилками, рабочем. Прибавьте к этому доказанную безукоризненную честность - и тип перед вами будет полон. И сколько таких еще хоронится в массах заскорузлых тружеников, десятки лет просиживающих за каким -нибудь станком!

При описании монастырей Соловецкого, Святогорского и Валаамского я задавался вопросом: почему это только там русские талантливые люди находят простор и работу, только там способностям их дают ход?...Здесь, наконец, пришлось убедиться, что и на миру есть хоть одно учреждение, где таким труженикам всегда будет и честь, и место. Вся администрация, все управление здешних заводов состоит почти исключительно из прежних рабочих. Сотни комиссионеров, приказчиков, агентов - из них же. Два-три техника, нанятых на стороне, остальное - однообразная народная масса, выделяющая из самой себя и власть, и фактор власти. Чужих не любят. Да надо сказать правду, всякий раз, как сюда брали их, в конце концов, приходилось горько раскаиваться. Тут все свои - одна семья, тесно сжившаяся, сплотившаяся, солидарная почти во всем. И посмотрите, как живут эти, выделившиеся из простых крестьян и по виду оставшиеся простыми рабочими, люди. Вот, например, Калинин: у него двухэтажный дом, вежу парадная, внизу жилая комната; мягкая прекрасная мебель, зеркала, рояль от Велениуса и фисгармония тут же; везде висят ценные лампы. Видны уже привычки к некоторому изяществу. Чистота везде поразительная, а жена его и дети ходят в сарафанах, и он сам не снимает своего армяка. Вообще здесь выработался совсем особый тип крестьянства. Посмотрите его не в будничной обстановке, когда он за своим станком, весь засыпанный пылью железной, весь в поту работает над чем-нибудь, а в праздники или у него дома. Какая у него чистота, какая щепетильная опрятность!

Пьянствовать ему и в голову не приходит, потому что это приравнивается к пришлым забулдыгам, у которых ничего нет, которые все, что не получают, все спустят. Мне самому случилось наблюдать такую сцену. Пьяный придрался к трезвому.

- Свинья ты, вот что!

- Ты сам свинья, да еще пьяная!...Возьму я да созову народ.

-Ну?

- Свяжем.

-Черт!...

- Ты хуже черта.

-Ну, Макарка, доберусь я до тебя.

-Иди, иди, по тебе давно кабак плачет. Страмишь ты нас всех, вот что! Кабы в тебе ум был, ты бы куда – нибудь схоронился, пока вытрезвишься. А то при чужом человеке, - указывая на меня,- весь наш завод пакостишь.

Никто из выделившихся крестьян, ставших рабочими , больших жалований не получает. Все усилия направлены к тому, чтобы народу хлеба было, чтобы не останавливать ни одного станка, ни одного человека не бросить без дела. При таких условиях колоссальные гонорары были бы совсем невозможны. Само управление носит удивительный характер, нигде до сих пор мне не встречавшийся. Что-то патриархальное донельзя. Провинится в чем-нибудь управляющий или приказчик, - вина ему прощается и раз, и другой, и третий. На четвертый – расправа. Призывает его Мальцов, высчитывает ему вины всевозможные.

- Ну, коли хочешь у меня оставаться, так поступай опять на завод простым рабочим.

Полгода следят за ним, как себя ведет, хорошо ли работает. На семье это не отражается в большинстве случаев. Она остается в том же доме, ей помогают. Исправляется провинившийся, его начинают повышать и года два-три спустя он опять управляет делом. Так, например, поступали и не раз с замечательно умным человеком, тоже выделившимся из слесарей и заведовавшим целым Людиновом. Его из главноуправляющих разжаловали в простые рабочие раза три уже. И в настоящее время он еще тянет свой искус; он вполне не прощен и на его руках пока очень небольшое дело. Разумеется, он может отказаться и уйти , но это значит никогда уже не быть принятым на службу сюда.

Сам Мальцов никогда и никого не прогоняет. Это все знают и до того сжились с заводами, что каждый рабочий здесь прежде всего уверен в прочности своего положения.

Мы остановились в Людинове. Перед нами расстилалась даль озера, заставленного на западе зелеными островами. Между ними чуть – чуть серебряными нитями намечались узкие проливы. У самого берега колыхались два парохода: «Капитолина» и «Николай». Их оснащали и готовили к навигации. Из залы, откуда я любовался на чудную картину этих светлых и спокойных вод, на завод проведен телефон. Он меньше любохонского, тоже устроенного здесь: тот на три версты, этот на одну. Своеобразные часы стоят в углу, громадные, и на них надпись «Никита Каширкин - Людиново». Местное изделие до последнего колеса. Лет сорок им или все пятьдесят, а они работают как новые.

- Тут не одни часы, - тут делают превосходные, самые нежные инструменты, даже измерительные, и все те же простые рабочие. Здешние манометры славятся.

- Людиново издавна известно этим .

- Здесь народ на этом стоит. Посмотрите завтра, какие у нас мастера, полюбуетесь.

А между тем по наружности все это чуждо роскоши. Старые закопченные здания , подпертые снаружи, поддерживаемые изнутри; ничего лишнего , ни копейки не идет даром. Под , иногда дырявыми, если это не мешает делу, кровлями копошатся тысячи людей , вырабатывая на миллионы рублей различных изделий, расходящихся отсюда по всевозможным уголкам России.

Когда на другой день зазвонил колокол и вся эта толпа рабочих повалила через площадь , на которой стоит превосходная церковь, роскошно отделанная внутри , с таким же , как в

Дятькове, известной работы хрустальными иконостасами, я невольно подивился этому громадному муравейнику. Улицы разом ожили, везде шумно переговаривались рабочие, медленно идя по домам – обедать.

И все это – только из-за того, чтобы не умереть с голода.

Воображаю, как иронизируют про себя, - все дома есть, со всем вы сами сладить сумеете, а работаете и хлопочете за нас и для нас. Свое в черном теле держите, а чужому покровительствуете.

IX. Жиздринский Шеффилд

На другой день с раннего утра я уже отправился на завод. Шум воды в шлюзах, свист машин, грохот паровиков и треск раскаленного чугуна под ударами молота – опять охватили меня отовсюду целым хаосом звуков, но теперь я уже привык к ним. Они всю ночь проникали ко мне в комнату через запертые окна, - слух уже несколько притупился.

- С чего мы начнем? - обратился ко мне молодой техник, вызвавшийся сопровождать меня по Людиновскому лабиринту.

- С домны, я полагаю.

- Значит в литейный цех?

-Что такое?

- У нас завод весь делится на цехи: литейный, меднолитейный, кузнечный, клепальный, слесарный, столярный и котельный. В литейном, куда мы с вами пойдем сейчас, отливают разные машинные части для подвижного железнодорожного состава и сельскохозяйственных орудий, посуду и разные другие вещи.

В этом отделе один локомотив в четырнадцать сил работает, две доменные печи переваривают в своих каменных утробах каждая по 1000 пудов руды, флюса и массы дров и угля, пять вагранок горят и день и ночь, вмещая в себя до 300 пудов чугуна каждая, три газовых печи, куда зараз бросают по 230 пудов, а на все 690, и сверх всего этого посредством подъемного ворота действует ручная формовальная машина. Рабочих в этом отделении тоже не мало. Два мастера направляют 230 литейщиков, 24 их подручными, 40 учениками, 96 женщинами и 120 чернорабочими. В здешних домнах производится прямо отливка чугуна в изделия, что сберегает много топлива, часть же чугуна отливается в так называемые штыки для переделки в железо. Отливки между собой очень различаются: иногда сразу отливается вещь в 2000 пудов весом и тут же льются горшки, стенки которых немногим толще писчей бумаги.

Руду сюда везут из Устов по железной дороге наверх к домнам, она поднимается в маленьких корзинах подъемными машинами по проволочному воздушному пути. Тут рыжие и ржавые массы руды сначала сбрасываются в обжигальные печи, за которыми возятся, мешая в них руду, бабы, обожженные, все в поту, усталые донельзя, сплошь покрытые грязью.

- Трудна ваша работа, - невольно проговорил я, взглядываясь в эти истощенные организмы, в эти поблекшие лица.

- Не дай Бог, панночек! Хуже нашей работы нет.

- Что же получаете вы?

- Рублей семь в месяц заработать можем. Больше нельзя!

Большой ворот (колошник) забирает из обжигальной печи горячую руду в колошу (корзину) и поворачивается с ней прямо к домне. На Урале весь этот труд совершается измороженными людьми. Тут за воротом смотрит только один рабочий. Колоша с рудой останавливается над домной, устье которой горит слегка розовым красивым огнем. В нем иногда мелькают желтые языки, дым взрывается клубами вверх в висящую над домной большую железную трубу. Особый аппарат пока еще запирает пасть этой громадной печи. Около возится старик, тоже весь изможденный и измученный.

Ворочайся, ворочайся, а больше сорока копеек в день не наработаешь, - жалуется он, переходя над домной по перекладине, устроенной от одного края к другому.

- Совсем по нынешним харчам даром служишь!

Колоша в это время наполняется соответствующим количеством флюсов – камней известковых пород, вместе с которыми плавится руда. Делом этим заняты мальчики, зарабатывающие таким образом по 15 копеек в день. Работают здесь две смены, по двенадцать часов каждая. К домнам вверх проведены рельсы и по ним подкатываются в вагончиках дрова.

- Ну, пора, ребята, начинай, начинай!

В устье домны конусом вверх торчит аппарат **Паре**. Он опускается и подымается по желанию. Сначала, по команде старшего, на него, в домну, насыпают руду, уголь и флюс.

Грохот стоит в эту минуту в этом темном и мрачном сарае, затем поверх руды наваливают дров и, сравнив все это вокруг конуса, особым механизмом опускают его вниз. Понижаясь, конус показывает на несколько секунд внутренность этой каменной утробы, горячей тысячами огней, переваривающей чугуны и шлаки. Клубы дыма и пыли от провалившейся руды и угля подымаются вверх; пламя взрывается туда же, точно в догонку за этою пылью. Потом, когда дрова и флюсы уже внутри, конус опять подымается и запирает пасть этой колоссальной, с четырехэтажный дом вышиной, печи.

Мальчики на минуту присаживаются отдохнуть. Бедные заморились совсем, таская корзины с углем. В ворота этого сарая, выстроенного над домной, видно Людиновское озеро, весело сверкающее под солнцем; за ним – лес, зелень, белые домики слободы, отражающиеся в воде.

Каторжный труд!

Пришлось переживать те же ощущения, что и на Урале. Там еще тяжелее рабочим. Тут они хоть не жарятся над огнем ничем не закрытой домны, как это им приходится выносить в том горнозаводском округе.

- Сколько тебе лет?- обращаюсь я к маленькому рабочему, отдыхающему рядом.

- Четырнадцать.

- Много ли ты зарабатываешь здесь?

- Не мало... Шесть, либо пять рублей в месяц. Как приведется.

- Трудно?

- Работать надо! Наши все работают.

Не успел договорить, как вдали послышался грохот.

Издали подъезжали по рельсам вагончики с дровами, надвинулись над домной и стали. У них выдвинули дно, и дрова повалились в домну.

- Сколько каждый раз идет дров?

- По четверти кубической сажени валим.

- Она страсть сколько жрет этого дерева!- замечает старик.

- Да, у нее желудок не испорчен!- шутит мой спутник.

- У нее, брат, живот не вспучит... Не заболит... У нее что у рабочего: камень проглотит – и то сдержит.

Мальчики начали раскидывать дрова равномерно вокруг конуса в устье домны и сверху наслоили угля.

В это время от обжигальной печи, тяжело скрипя и кряхтя, словно старик под непосильною ношей, приворачивает ворот колоши с рудой и флюсами. Конус опускают; из домны опять взрывается масса пламени, с треском и ревом уносящаяся вверх. За дровами насыпают опять руды и флюсов, тут уж не пламя, а пыль и мириады искр летят вверх... И опять короткий отдых, и опять в воротах серебрится спокойная гладь озера с зелеными островами и белыми домиками на берегу.

Из конуса, из аппарата Паре, газ выводится в особый паровик для движения воздуходувной машины. Все рассчитано так, чтобы ничего не пропало даром. Сверху нас повели вниз по каким-то пещерам и жилам в боках этой громадной домны. Точно застенки старых крепостей чудились нам по сторонам. Звук железа где-то казался звоном цепей, вздохи доменных паровиков – стонами замученных жертв. Еще меньшие жилы проделаны тут же: через них действует воздуходувная машина. Там слышится порывистый свист, точно горный ветер с силой врывается в узкое ущелье, ища себе выход из отовсюду стеснивших его вершин и каменных скатов. Вот и фурмы, сквозь которые мы видим самое нутро этой чудовищной печи, ярко сверкающее, где руда обращается в жидкое молоко, где плавится и кипит камень. Точно заглянули во внутренность вулкана, в пароксизм самой кипучей подземной деятельности. Чудятся какие-то огненные волны там, какие-то зигзаги ярких молний, пронизывающих жидкий металл. Шум тут стоит такой, какой я слышал только в пермских заводах того же рода. Кажется, будто кто-то рядом падает масса воды с громадной высоты на острые скалы, падает и разбивается в тысячи мелких брызг. С такой силой воздух стремится внутрь, в самое сердце этой маленькой Этны, откуда в свою очередь несется клокотание шипящей лавы и изредка точно пушечные удары. Оглушенные мы отходим отсюда вниз.

-Сейчас выпустить шлаки.

Позади домны устроены выходы для них. Пузырясь и вскипая круглыми разливами, выступает лава из этой норы. Кажется, что это огненные волны, слепящие глаза своим желтым блеском. По краям поверхность лавы уже синее, а из выводящего отверстия все выползают новые и новые волны. Жара кругом делается невыносимой. Кто-то орет; мы ничего не слышим. Наконец рабочий схватывает кишку и направляет на кипящую лаву сильную струю воды. Точно злясь на это купанье, лава клокочет, пузырится, с треском лопается, синее и сыреет, причем только из трещин мелькают еще ее красные огненные глаза. Наконец она совсем тухнет под водой. Остается какая-то ноздреватая, рыхлая губка.

-Зачем это?

- А видите ли, таким образом разрыхленный шлак – отличное средство для удобрения полей. У нас его свозят на фермы и раскидывают по земле. Он возвращает ей золу, которую унесли из почвы скошенные и сжатые растения или злаки.

- Я нигде не встречал ничего подобного.

-Да это только у нас и делается.

- Что же, лучше урожай на удобренных таким образом полях?

- Еще бы! Под влиянием дождя и ветра шлак разрыхляется таким образом быстро... У нас даже крестьяне начали уже кое-где осваивать этот способ удобрения.

Мы приходим к устью домны, сквозь которое выходит выплавленная руда.

Путь лежит мимо вагранки для переплавки старого чугуна. Толстая, выпятив свое каменное пузо, вся в грязи, клоочет она; видимо, и эта печь переваривает свою пищу.

- Это наша черная красавица.

- Матрена!- шутит рабочий,- вымылась бы, а то вся рожа в грязи.

Две рядом таких Матрёны отапливаются коксом; третья – в стороне, та требует древесного угля.

Работающие внизу у домны получают уже хорошее вознаграждение: 65 коп. идет в будни и 85 к. в праздники. В месяц они зарабатывают от 18 до 25 рублей, если без прогулов. Деньги эти и достаются недаром, - жара адская. Кажется, что дышишь раскаленным воздухом Сахары, потому что сухой зной пышет прямо в лицо тебе, завивая волосы и заставляя трескаться кожу. У «щели» отверстия, сквозь которое идет чугун, уже столпился народ. Шум воды, крики людей смешиваются вместе. Точно сказочная Вальпургиева ночь. Рабочие здесь уже и одеты лучше, и глядят здоровее. Лаптей нет, - на всех сапоги; вид сытый. Слышатся шутки, обращенные все к той же домне.

-Эх ты, Домна, Домна! Пузо - то набила, теперь мы тебя лечить станем.

В щели, в серой массе отвердевшей руды – трещины. В трещинах вспыхивают голубые огоньки.

- Ну, ну, пробейка ее...Максим, ты парень здоровый, ступай, ступай.

Приносят длинный лом аршина в два.

- Как раз по Домне! Ну, братцы, зачинай, зачинай, что ее жалеть!..

Лом этот наставили в щель, и давай молотами пробивать в ней дыру. Пот валил с лица у рабочих.

- С ней тоже повозишься ...

-Колоти, колоти молотом сильнее!

Кора в щели не поддавалась.

-Ишь за праздники – то работы не было, так домна – то и остыла маленько. Литейщики здесь?

-Здесь.

-Пришли кашу хлебать?

Порцию свою получим, - отшучивались те.

- Ты не больно только,- жалуется...Ты подуй сначала.

- Ладно... Еще тебя поучим.

У литейщиков в руках были ложки, разумеется, , громадные,- чашки и ковши.

Наконец, кора подалась, ярко блеснув золотой, огнистой пробойной. Проламывавший кору рабочий живо выдернул лом, и в первый подставленный ковш полилась жидкая струя чугуна, разом осветившего все: и толстую домну, и грязные вагранки, и потные лица рабочих. Всякий литейщик брал, сколько ему нужно и бежал в мастерскую со своей порцией расплавленного металла.

-Никого больше?

-Никого,- все сыты!

Тогда по длинному желобу чугун полился вниз, в формы, сделанные в земле. Тут он охлаждается и для дальнейшей переплавки поступает в вагранки. В пермских заводах чугун, выходя из щели, разбрасывает тысячи звезд всех цветов. Здесь он льется густою струей без брызг, потому что в Людиновских домнах он выходит уже спелым. По охлаждению в излом, он оказывается темно-серым, т.е. лучшего сорта. Посуда и вещи из него выходят превосходные. Только на них никогда не прекращаются заказы. Их столько, что заказчики даже ждут, хотя все амбары здесь до потолка загромождены ими. Ограничивайся завод такими работами,- разумеется, он был бы доходен; но Мальцов задался целью, во что бы, то, ни стало вытеснить иностранные машины с русских рынков и терпит большие убытки, достигая этой цели. От местных изделий специалисты приходят в восторг. Когда мы вошли в сарай, где сложены все эти изделия, нам, как в «Сорочинской ярмарке» у Гоголя, пришлось воскликнуть: «чего тут нет!» Горшки, заслонки, утюги, печные дверцы, гири, котелки, громадные котлы, доски для памятников, плиты, гайки, зубчатые колеса, изящные чугунные рамы, какие-то цилиндры и тысячи других предметов, которым сразу, пожалуй, не найдешь и названия. Литейщики, отливающие все это, получают до 30 рублей в месяц. Плата им идет с пуда отлитых им вещей. Специалист г.Саймонов вот что говорит по поводу здешних работ из чугуна: «приходишь к заключению, что литейная часть Людиновского завода доведена до высокой степени совершенства. Подобные тонкие отливки дает чугун олонекских заводов, с той только разницей, что выплавляемый из болотных руд содержащий вредные примеси - фосфор и серу, олонекский чугун для переливки в железо не годится, тогда как здешний дает превосходное». Это было сказано четыре года назад. С тех пор дело здесь значительно подвинулось и усовершенствовалось.

Сердце завода – паровая машина, она разгоняет кровь по артериям этого громадного, из камня и железа сложившегося организма. Мы прошли мимо нее, она глухо бьется всеми своими поршнями и рычагами, выбрасывая пар по самым отдаленным проводам. Оставив ее, мы переходим в помещение среднебойного водяного колеса. Мрак и сырость. Струи воды льются отовсюду; слышится шум каких-то ручьев и потоков, сбегающих с колеса, в тускло поблескивающую внизу воду. Шлюзы - внизу, и отсюда доносится грохот неудержимо рвущейся куда-то стихии. Чугунные пульсы бьются кругом; громадные ремни протягиваются вдаль; колесо движет их с громадной силой. Они все направлены в слесарни и им станки бесчисленных мастерских Людиновского завода обязаны своей жизнью. Это – то же сердце. Весь завод кажется отсюда каким-то сложным организмом, в котором бьются и работают два сердца, паровое и водяное, уживающиеся рядом одно с

другим. Я взошел на помост, устроенный у середины колеса. Громадное, в 28 футов в диаметре, оно поднимает чудовищную массу воды. Обод его равняется 14 футам в диаметре. Действительно, что-то живое, сказочное слышишь и видишь во всех этих взмахах громадных орудий, в этом мрачном шуме воды, в этом грохоте шлюзов. Точно попал в самое нутро какого-то чудовища и являешься безмолвным свидетелем его отправлений, самых таинственных процессов жизни, поддерживающих этот организм. Как и у фурум, чудится грохот водопада, и если не поостережешься, то самому можно попасть под него, потому что сверху и с боков льются струи воды. Помосты, на которые выходишь, пол, на котором стоишь, дрожат и колыхаются от силы этого движения. Вверху работает столь же громадный аппарат для шлюзов; по бокам с грохотом движутся какие-то рукава, шатуны, поддерживающие бесчисленные поршни, меха. Сам как-то исчезаешь перед громадностью этих сооружений, кажешься самому себе бессильным, ничтожным.

-Экое дело заведено! - замечает рядом крестьянин.

-А что?

-Уж очень чудесно: и паром-то пускает и водой-то действует.

-Ума не приложишь.

Другой бородатый мужик заведует всей этой машиной. Ему все единственно, - он присмотрелся к ней, и она уже не дивит его своими размерами. От постоянного грохота и шума кругом он немного глуховат стал и молчалив.

-Слова от него не добьешься!

-Уж очень много слушает, - некогда самому балакать.

Наконец мы уходим отсюда. Перед нами помещение медно - литейного цеха. Тут отливают разные машинные части, части для подвижного состава, для земледельческих орудий. Когда мы здесь были, работ не оказалось. Начнутся они завтра. Только большая газовая печь горела, переваривающая сразу до ста двадцати пудов меди. Это самое маленькое отделение мастерских. Здесь работает один мастер с девятью литейщиками, четырьмя учениками и двумя чернорабочими. Кругом стоит масса тиглей, в которых отливаются мелкие вещи.

-Пустыня тут у нас пока... В следующий раз, как пожалуете, все это гореть будет, закипит!... А теперь скучно здесь.

Отсюда мы перебираемся в мастерские кузнечного цеха. Опять оглушающий шум, стук молотов, свист мехов и шорох взрывающегося в горнах пламени. Брызги огня разлетаются из-под молотов; железо под ними точно жалуются кому-то, скрипит и сжимается. Тут горят три сварочных печи и каждая вмещает в себя до 150 пудов металла зараз; работает одна паровая машина в шестнадцать сил и два паровика в пятьдесят сил каждый. Два паровых молота в 120 пудов каждый и три поменьше, в 27 пудов, разбивают и обжимают громадные железные кувалды; пружинный молот громыкает тоже, а рядом свищут массы мехов, вгоняя в огни семидесяти восьми горнов сильные струи воздуха. Тут за всеми этими горнами, печами и молотами работают три мастера, сто кузнецов, сто пятнадцать молотобойщиков, четыре печника двадцать подручных, два мальчика, двадцать восемь баб и девятнадцать надсмотрщиков и машинистов.

Мы проходим прямою улицей этих ярко горящих горнов. Вон блеснули зевы сварочных печей. В них горят куски железа; другие уже под молотами и разбрасывают кругом после каждого удара тысячи золотых брызг. Обжимщики в коже щурятся, чтобы не попало в

глаза. Красивые, сытые, совсем не измороженные бабы шуруют печи. Они бросают туда дрова, переговариваясь и пересмеиваясь одна с другой. Тут и заработок и них не особенный, да труд легкий. Они получают по 20 коп. в день. Суровые, молчаливые, словно совсем обожженные рабочие у сварочных печей получают до 30 руб. в месяц.

-Что они у вас такие хмурые?

- Работа такая. Стоит он целый день у печи, в огонь смотрит.

-Так что же?

-И все сам про себя думает. Вы знаете, кто в огонь смотрит, тот думает больше и разное ему в огне чудится.

-Вот как !...

-Тут рабочие отлично знают. Один вот рассказывал, в печах ад чудится. Так он и куски железа грешниками звал: «принеси грешника». Всякий раз, как бросал в сварочную печь железо, так и воображает себе, как на том свете в геенну будут грешников и злодеев всяких кидать. Знаете, от огня ужасно фантазия разыгрывается. Вы что думаете?

-На Урале такие же явления замечал я.

-Это довольно общее. А другим в огне целые города чудятся, люди, лица какие-то мелькают, бегут какие-то серебряные змеи, золотые саламандры возятся между ними, бриллиантовые волны струятся по темным пока кускам железа, кровавые пятна какие-то вскипают на них. Не мудрено, что какому-нибудь старику и ад почудится. Мерещатся из огня простирающиеся к нему руки. Голоса слышатся!...

Самый громадный отдел завода - слесарные мастерские. Положительно утомляешься, проходя по ним.

Слесарный цех разделяется на четыре разряда. В первом готовят части для паровых и других машин и для земледельческих орудий. Тут два гидравлических колеса диаметром в 10 метров каждое. Сила их: первого 60, а второго в 70. Паровая машина в 100 сил, восемь цилиндрических мехов от 40 до 50 сил каждый, два гидравлических прессы диаметром на 10, десять строгальных станков, 41 токарных, 16 сверлильных, четыре долбежных, пять торцовых, два обрезающих, два винтовальных, один для проверки валов, два штамповальных, один паровой нож, одна угольная мельница, 90 тисков слесарных. За всеми этими станками и орудиями работают восемь мастеров, 376 мастеровых, 70 учеников, 16 женщин, 30 чернорабочих.

Во втором слесарном отделении выделяются части для паровозов и локомотивов. Тут один паровой локомотив в 16 сил и одна калильная печь, 17 строгальных станков, 67 токарных, 18 сверлильных, 16 долбежных, 22 торцовых, 5 винтовальных, один зуборезный, один шиповальный, 106 тисков слесарных, один пружинный молот. Рабочая сила: 5 мастеров, 290 мастеровых, 45 учеников, 10 женщин, 12 чернорабочих.

В третьем слесарном отделении обжигаются и отделяются печи, дверцы, каминные и т.п. Здесь один локомотив в 10 сил, три сверлильных станка, один токарный, один притирочный, два шиповальных, 116 тисков. За ними заняты два мастера, 100 мастеровых, 40 учеников, 3 чернорабочих, 10 женщин.

Наконец в четвертом отделении отделяются части для вагонов, собираются земледельческие орудия. Тут строгальный станок, 14 токарных, 7 сверлильных, один

долбежный, один торцовый, пять винтовальных, два шиповальных, три штамповальных, 35 тисков. Рабочих: 2 мастера, 60 мастеровых, 18 учеников, 5 женщин и 2 чернорабочих.

Тут центр заводской деятельности. Ряды камер, занятых исключительно слесарным делом, сплошь заставленных машинами, станками. Бесчисленные приводы и ремни двигаются вверху и вертят сотни механизмов. От одних ремней стоит какое-то стихийное шуршание, а тут еще грохочут паровики и локомотивы, визжит, положительно визжит железо под строгальными аппаратами. Здесь вообще какое-то вавилонское столпотворение, - ничего даже не сообразишь. По крайней мере, я совсем не мог дать себе отчета, что здесь делается. Голова разбалывалась, точно эти безжалостные винты ввертываются в него, а не в стонавшее и плакавшее под ним железо. Там глухо работает паровой нож, отсекая толстые куски железных частей, тут какие – то машины стирают металлические доски, так, что каждый атом их вздрагивает, а серая железная пыль тучей поднимается в воздух. Пронзительно визжит пила и сверлильный станок, веером разбрасывая кругом железные стружки. Какие – то особенные ножи нарезают толстые бруски, снимая с них целые слои коробящегося, как береста на огне, металла. В стороне стоят чистенькие, изящно отделанные машины, с массой самых непонятных для меня частей. Неподвижные, они только ждут парового привода – этой души, которая бы их оживила. Проковка, обточка и шлифовка железа доведены здесь до щегольства, не говоря уже о том, что всякая вещь делается отчетливо, прочно и приготавливается весьма верно. Еще несколько лет тому назад стальные бандажи получались здесь с петербургского Обуховского завода, но теперь они приготавливаются в Людинове, причем, по словам техников, не уступают лучшим английским изделиям этого рода. С нами заводы посещал французский инженер, - не упомяну уже теперь его фамилию. Он при виде только что изготовленной здесь строгальной машины пришел в совсем непонятный для меня телячий восторг.

Слесаря совсем уж выделяются из общего типа рабочих. Это народ серьезный, изобретательный и умный.

-Мы все время при машине, - поневоле мозгами то пошевелишь. За нее, не зная приняться нельзя. Ее тоже понимать надо!

- Тут до всего дойдешь. В ней, в машине, ума много!

-У них удивительное чутье, - объясняет француз, работающий здесь.- Привезут самый сложный механизм, весь он в частях лежит. Взглянет рабочий на чертеж и нюхом его как-то поймет. Бывало только руками разведешь.

-Вот у нас тут Баба есть, так она не нахвалится нами.

-Какая баба?

- А механик наш.

Баба оказалась французом Бобенем, заведующим слесарными мастерскими. Здесь только трое чужих. Главноуправляющий всем ганноверский инженер Басон, инженер Дюссо, сын московского, и Бобен.

Слесаря, как народ толковый и умный держатся совсем отлично от других рабочих. Они хорошо держатся, почитывают, интересуются всем. Семьи их зажиточные, потому что мастеровой может здесь зарабатывать от 26 до 48 рублей в месяц. Дома у них свои, дрова ничего не стоят, хлеб и припасы дает им завод, скупающий их по дешевым ценам и так же продающий своим рабочим. Сталь и железо кладут какой – то особенный отпечаток на работников. В самом деле, я не раз наблюдал это. Имеющие дело с деревом

вырабатываются в мягких и не совсем положительных людей, за то на металлических занятиях вырабатываются ужасно сильные характеры, точно все эти массы железа, меди, чугуна сообщают им свою крепость и неподатливость. Тут и воздух какой –то особый. В этих мастерских действительно ощущаете запах железа и стали. Он густо распространяется в атмосфере, которой дышат.

Вот, например, самое характеристичное лицо передо мною. Большая печь для прокаливания железных листов; красное пламя рвется оттуда во все скважины; слышится его свист и клекот издали. Прямо у устья печи высокий, жилистый рабочий. Весь - из мускулов, на диво сложенный. Умные, несколько воспаленные от огня глаза упорно смотрят на вас и не опустятся наверное ни перед кем; крупные черты дышат энергией и силой. Выпуклый упрямый лоб прекрасно сформирован, губы сжаты, подбородок совсем так, как рисуют у Наполеона первого. Заговорил я с ним, - оказался знающий человек. Привычка мыслить сказывается в каждом слове. Как не похожи на него еще недавно попадавшие мне жиздринские крестьянские типы, загнанные совсем, измученные на бескормице и безработице, совсем безнадежные для будущего.

Хлебопашец, с поэтическим складом своей фантазии, с любовью к природе и иногда даже с пониманием её, все-таки оказывается простым крестьянином рядом с этими мастеровыми, всю свою жизнь возящимися с машинами. Я не знаю, может быть в первых сосредотачиваются всевозможные добродетели, но во вторых несравненно более жизненной энергии, способностей, изобретательности. Несмотря на то, что заводской рабочий живет лучше землепашца, в нем уже явилось недовольство своим положением и растет протест. Здесь, например, положение дел лучше, чем у соседей: люди обеспечены, сыты и главное - о них заботятся, все для них делается; тем не менее пришлось мне самому слышать весьма знаменательные фразы.

Было, например, освящение гуты. Сошлась вокруг Мальцова толпа рабочих.

-Трудно, братцы, всем трудно нынче. Беда, - заказов нет.

-Как не трудно... Миллионы страдают!- слышится из толпы.

Смотрю, желчное, желтое лицо, глаза блестят лихорадочно, по лицу бежит судорога.

-Да, брат, страдают.

-Всю жизнь работаю, семеро детей, бока болят! Заели рабочего человека господ, совсем заели!. Коли бы не вы, и здесь бы не жить! Без вас начнут из нас кровь точить!..

Пропадать рабочему человеку надо, совсем пропадать!

Дрожит весь.

-Это я видел, как с нами на других фабриках. Со скотом легче.

Вытянул руку, сжал кулак.

-То-есть во-как!...Помирать буду, а не забыть, как они нас, рабочих людей, заели!

-Это ты совсем слово неподобное говоришь, - стал его укорять священник.

-Вы посмотрите-ка, батюшка, что по другим округам делается! Совсем нас богачи убили, душат, и кричать не велят. А у меня вот от работы бока...

-А ты забыл, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому...

Рабочий и смотреть не стал, отмахнулся и прочь пошел.

-Зачем ему в ушко игольное? Он, брат, себе и здесь царствие небесное устроит, сделай милость!

И тут нарождается против капитала грозная сила. Она растет и крепнет под гнетом, как крепнет чугун под паровым молотом, извергая из себя все посторонние примеси.

Из слесарных мы отправились в клепальни.

Тут производится клепание паровиков и сборка паровозов с помощью трех локобилей в 44 силы все вместе, гидравлического пресса, мехов, четырех штамповальных и четырех болтовых, одной гаечной машины, ножей паровых и приводных, трех строгальных станков, десяти сверлильных, одного долбежного, двух загибальных, одного правильного, трех паяльных горнов, 70 тисков. Заняты в этом цехе 6 мастеров, 300 мастеровых, 35 учеников, 30 женщин, 10 чернорабочих. Тут все заставлено машинами, локобилями, паровозами, которые собираются в этом отделении. Вон, например, локомотив громадный, он весь почти готов, но его со всех сторон облепили рабочие, как мухи в жаркое лето, севшие на мирно пасущегося быка. За сбор всего паровика малого им платится 160р., большого 250 руб. Это делится между восемью человеками, составляющими таким образом артель.

-Что - жь, выгодна эта работа?

- Как когда... В хорошее время от 25 до 30 руб. в месяц придется.

- А в другое?

-А в другое и по двадцати – слава Богу!

- Тут ведь как бывает... Собираешь машину – вот бы и конец, а какая – нибудь часть в других мастерских еще не готова, - ну, и гуляй, теряй время понапрасну.

- Ничем разве другим заняться нельзя?

-У нас так: одна артель собирает каждую машину. Если работы нет, к другой не приступишься,- там свои работают.

-А иной работы нет?

- Мы не привычны... Мы сборщики издавна.

В другом отделении клепального цеха еще более наставлено всяких громадных сооружений. Тут и громадные чугунные ворота, и черные, еще не крашеные, паровозы, какие – то необычайные по величине железные трубы. Вон, например, совсем готовая, уже собранная, банная печь; можно подумать, что в баню, где она будет стоять, придут мыться слоны и носороги.

В ней легко можно было бы сжарить допотопного мамонта, если бы на этом заводе был приготовлен достаточный для того противень. Грохот здесь стоит оглушительный, стук молотков, шуршанье и гром каких-то толстых железных листов. Древний грек подумал бы, что он попал в лабораторию грома к Зевсу.

-Правда, как все это величаво и по-своему красиво?- восхищался мой спутник француз.

Своеобразная поэзия механического железного дела!

Вон совсем черный паровоз. Его начинают красить.

- Мы это сейчас ей туалет начнем, - говорят рабочие.

-Недолго наша красавица в грязи будет.

-Вот вымоем ее, покрасим, подрумяним, брови ей подсурьмим – совсем дама станет, как в городе бывает, а то еще и лучше, потому, что в городе бабы хлипкие и жидкие.

Вот один локомотив еще только собран. Один рабочий забрался внутрь, другой снаружи. Раскаленными гвоздями заклепывают предварительно просверленные дыры. Грохот такой, что сидящий внутри, по выходе оттуда, я думаю, долго еще не может очнуться. Нужно здесь и уши иметь такие же, каковы и эти локомотивы, печи, паровики, и из того же самого материала. Бассон, заведующий Людиновским заводом, уже оглох, и другие мало – по - малу глохнут. Это здесь неизбежно. Тут железо и сталь орут во все свои громадные пасти и если стены Иерихонские когда-то пали от звуков еврейских труб, то, я думаю, от этих звуков и здания филистимлянского города не остались бы целыми.

Кончил рабочий вколачивать,- выскочил другой изнутри, стоит обалдевший совсем.

-Чего ты? – спрашивают его.

Хлопает глазами, - видимо, ничего не понимает.

-Очумел!...

- Недавно он потому. Скоро привыкнет. У нас дело не трудное. Тяжело первое время только.

Рядом подымается грохот еще пронзительнее. Это начали заклепывать новую трубу. Совсем как живая орет она под ударами больших молотов.

-Еще бы!... Тебе бы каленый гвоздь в шкуру забивать стали, тоже бы заорал тогда.

Удивительная манера у рабочих одушевлять все инструменты и механизмы, с которыми они имеют дело!

Вот целые улицы сварочных печей Симменса. Справа и слева сквозь заслонки слышен шум пламени и розовые языки его рвутся во все щели, облизывая черную кирпичную кладку. Вон другая улица такая же: направо Симменсовы, налево сталеварни Мартена. Сталь здесь варится прямо из чугуна, мелкого железа, железного крапа и обломков старой стали. Проходя мимо устьев, мы слышим, как там ворчит расплавленный металл, герметически закупоренный в самое нутро этих аппаратов. В углу валяются горы бандажей, прямо отлитых из стали и еще не отделанных. Меня приглашают сойти вниз в газовик. Мы опускаемся какими-то темными проходами. В норе этой едва дышишь от дыма. Он окутывает со всех сторон, ест глаза, струится в нос и рот. Густой какой-то, жирный... Мы попадаем в зарядник, куда поступают и откуда сбрасываются вниз дрова. Тут дым еще гуще. Серые клубы его заменяют воздух. Еще минута – и голова начинает кружиться. В трубы, чтобы по ним не проходил газ, сыплет лопатами опилки. Из этой лаборатории газ поступает в сварочные печи и делает там свое дело. Быстро, собирая последние силы, мы вбегаем вверх на чистый воздух, под сараи сварочных печей, и опять в глаза нам светит проникающее сквозь их щели розовое пламя. На пробу вытащили из склада длинную полосу железную, холодную уже. Нужно было испытать гибкость её. Загнули ее раз, другой, третий, до восьми, и кусок в 16 дюймов толщины не дал нигде трещины, несмотря на то, что загибали его сплошь и били молотами, пока внутренние

стенки сгиба не сошлись совсем. Это - высокопробный металл, выходящий из здешних печей.

Сталевары получают по местным ценам весьма высокое вознаграждение – по 50 руб. в месяц.

Наступил вечер, и в мастерских зажгли газ.

-Откуда это у вас ?

-К нам из Царицына доставляют нефтяные остатки , мы из них и приготавливаем.

-Как вам наше Людиново

- Я еще не могу дать себе отчета.

-Почему?

-Слишком много всего. Подавляет.

-Да, а к Мальцову перешло когда, знаете ли, что здесь было?

-Ну-сь?

-Домна, кричные горны, да семь слесарей!

В этом сталеварном отделении, кроме печей, вмещающих в себя стали и металла в лом по 245 пудов каждая, есть еще две пудинговые печи. Здесь работают четыре паровика от 40 -50 сил каждый, гидравлическое колесо в 60 сил и одна турбина в 30 сил. Тут же масса исполнительных механизмов и вальцовочных станков, четыре паровых молота, один гидравлический пресс, две паровые пилы в 10 сил, стан для прокатки бандажей, паровой нож три токарных станка. Тут и разряды рабочих разнообразные. Заведуют делом четыре мастера, у них 10 катальщиков, 30 подручных, 6 пудлинговщиков, 15 газовщиков, два сталеваара, у них 4 подручных, 30 женщин и 18 чернорабочих. Сверх этого , занимающегося прокаткой круглого, угольного и другого сортового железа, отливкой и прокаткой стали, отделения, есть еще другое того же цеха, где производится прокатка железа кубового, котельного, листового ит.п. Тут пять сварочных печей, три паровика, две паровых машины, гидравлическое колесо, две сушильни. В этом разряде пять станков вальцовых, один паровой молот, один пружинный, паровая пила, четыре гидравлических пресса, один загибальный стан и один токарный, три штамповальных машины, нож паровой, нож действующий приводом, гаечный и проволочный аппараты. Тут трое мастеров, 35 катальщиков, 29 подручных, 50 слесарей, машинистов и смотрителей, 6 газовщиков, 34 женщины, 12 чернорабочих.

-Вам теперь надо посмотреть еще наше деревянное отделение.

-Какое деревянное?

-Да столярное и другие: модельное и чертежное.

Переход от железа к дереву разом подтвердил мое прежнее наблюдение.

Не было этих сухих, суровых типов, которые я видел в слесарных; не было озлобленных, хмурых лиц. Здесь в сравнительной тишине спокойно работали над деревом добродушные столяры, чисто одетые, многие в очках. Внизу на металлических работах под огнем печей, в дыму паровиков, невозможно носить ничего, кроме лохмотьев,- платье горит на человеке. Тут совсем иное дело. Пахнет вместо газа и дыма смолистым запахом сосны.

Точно в свежий лес попал после теплого дождя, когда каждое дерево скрипит под железными инструментами, больно ему и кряхтит оно, жалуясь на безжалостную руку. Тут все внимательно сосредоточены. Дерево- материал легкий: не доглядел – и испорчено оно. Дерево мягче – и натура мягче.

- Что вы здесь получаете в месяц?- спрашиваю я у одного рабочего в очках, философски уставившегося на кусок дуба.

- Да рублей по тридцати в месяц,- взглянул он на меня в очки.- Мальчишки которые – те по пяти рублей, пока приучатся к нашему делу.

- А какая работа здесь?

- Разная .Мы части машин делаем, которые из дерева, выделяем модели, собираем машины земледельческие.

Тут у рабочих в руках рисунки различных проектов, которые нужно воспроизвести из дерева. Всякая новая машина, прежде чем она будет приготовлена на заводе, является здесь в виде модели. Эти образцы тут делаются с замечательным изяществом. Столярных несколько отделений и народа здесь работает немало на трех станках и 90 верстаках. Всего здесь два мастера, два модельщика, 88 мастеровых, 36 учеников, одна женщина и двое чернорабочих. Из дерева приготавливаются формы для стекла. Тут же почему-то работают и манометры, которыми завод по праву хвалиться. Вот что между прочим говорят оних специалисты:

« Мы сравнивали манометры французские и людиновские. Для сравнения чувствительности того и другого оба привинчивали к железной трубочке, соединяющейся с небольшим гидравлическим прессом. Накачивая насос , можно видеть, что стрелки обоих манометров до поразительной точности тождественны в своих показаниях давления воды, а следовательно и пара» (*Земледельческая газета 1877г., стр.372*).

Мастеровые, приготавливающие манометры, смотрят весьма интеллигентно; они зарабатывают на сравнительно легком труде от 35 до 45 руб. в месяц.

-В нашей науке ума не надо! - говорят они.

- Тут все расчет. Тут без цифры ничего не сделаешь.

-Цифру знать требуется, чтоб она завсегда перед тобой стояла, как лист перед травой, готовая!..

Неподалеку- чертежная. Ряд зал, занятых рисовальщиками и чертежниками из крестьян, окончивших местные училища. Тут уже совсем другие типы. Несмотря на форменный серый армяк, лица бритые, чиновничьи. Мы наскоро прошли мимо, торопясь попасть в отделение земледельческих машин, где осмотрели или изобретенные здесь, или усовершенствованные соломорезки, молотилки, плуги, просорушки, сеялки, веялки всевозможных систем. Не ограничиваясь своими, завод выделяет также английские, германские. Но о них мы скажем потом в одной из следующих глав нашего рассказа.

Нам, разумеется, могут поставить в упрек изобилие цифр, приведенных здесь, но иначе и нельзя было и обрисовать всей громадности этого предприятия, - иногда цифра красноречивее всякого рассказа. Кстати уже, чтобы покончить с ними, я приведу общую ведомость всех работающих на заводе. Всего здесь числится круглым счетом: механиков3, мастеров60, мастеровых 1800, учеников 300, женщин250, писарей и приказчиков 35, чернорабочих 500 человек. Кроме того – масса народа , которая продовольствуется на счет заводовладельца. Здесь в заводском магазине распродано по дешевой цене и выдано

так, в помощь рабочим, следующее количество, за исключением тех, которые они покупают в других пунктах: муки ржаной 218897 пуд., пшеничной-10475 пуд., круп гречневых – 23013 пуд., масла конопляного – 3722 пуда, соли-8441 пуд, сала свиного-2771 пуд, говяжьего -577 пуд, солонины – 3208 пуд., рыбы и сельдей -1956 пуд., сахару-3355 пуд., масла деревянного -1222 пуда.

Менее значительные продукты мы не приводим.

Вся эта масса потребляется только рабочими, живущими в своем содержании.

Правила для рабочих, если, например, их сравнить с уральскими, в высшей степени снисходительны.

Каждый рабочий по третьему звонку обязан быть у главных ворот завода и тотчас же приступает к работе. За самовольный прогул или отлучку с рабочего взыскивается по усмотрению заводского управления, но не более как по 25 коп. за четверть суток. Расчет производится 13 числа каждого месяца. Школы и больницы содержатся на счете управления. Больные пользуются и лечатся в них на полном его иждивении.

Здесь для этого служат доктор и четыре фельдшера. В больнице постоянных кроватей 25, но по мере нужды прибавляется сколько нужно. В Людинове имеется аптека, как в Дятькове.

Для того, чтобы еще яснее определить деятельность завода, нужно прибавить одно: все машины, станки, паровики, гидравлические прессы и проч., действующие здесь, приготовлены на самом заводе. В настоящее время чужого здесь ничего нет.

На другой день мы окончили осмотр этого Шеффилда, посетив его вторично днем.

Когда мы вышли, солнце ярко светило. Рабочие бежали к какой-то, как нам показалось, часовне, заваленной совсем бандажами, железными частями машин, всяким ломом, бракованными орудиями, между которыми выделялись свежестью красок совершенно новые, только что приготовленные, вещи.

-Куда это идут все?

- Да к колодцу. Тут у нас исцелительный колодец есть.

- Это еще что за исцелительный?

-Да мы говорим так о нем. Летом мы так упариваемся за работой, что у нас на теле соль выступает. Бросишься к колодцу с жару, вода как лед, пьешь ее жадно,- ну, точно вот в книжках пишут, верблюды, которые в пустынях. Пьешь, а никогда не бывало, чтобы нутро от нее страдало, либо хворь какая захватила. Так мы его исцелительным и прозвали. Вода у нас тут крепкая, сильная.

Когда, несколько часов спустя, я вышел на балкон, солнце налило уже во всю, на небе не было ни облачка. Озеро чисто. В золотистой дымке далее тихие лесистые берега его точно погрузились в сладкую дрему и спать себе над зеркальной поверхностью воды. Направо из заводских труб клубится дым.

Там, в этой массе строений, стучит и бьется железное сердце этой громадной лаборатории труда и предприимчивости, бьются паровики- пульсы и по его бесчисленным жилам разгоняют пар в самые отдаленные закоулки. С высокой колокольни красивой людиновской церкви звонили в колокол.

